

ЮБИЛЕИ

УДК 94(470)(047.53)+929Троицкий

80 ЛЕТ ПРОФЕССОРУ Н.А. ТРОИЦКОМУ

Накануне своего 80-летнего юбилея известный отечественный историк Н.А. Троицкий дал интервью своему ученику Ю.Г. Степанову. Историк вспоминает о годах детства и юности, о своем пути в науку. Участник множества острейших дискуссий, Н.А. Троицкий рассказывает о сущности этих споров, о своем понимании исторической науки, профессионализме и ответственности историка, истинном и ложном понимании патриотизма, современном положении исторической науки.

Ключевые слова: Н.А. Троицкий, история, Саратовский университет, исторические факты, война 1812 года, революционное движение, XIX в., Е.В. Тарле, художественная литература, писатели, архивы, творчество, историческая память.

80-th ANNIVERSARY OF PROFESSOR N.A. TROITSKY

The historian looks back on his childhood and youth, on his way to a science in this interview. The participant of many heated discussions, N. Troitsky explains the essence of this debates, his understanding of historical scholarship, professionalism and responsibility of the historian, true and false sense of patriotism, of the provisions of the present historical science.

Key words: history, university, historical facts, debates, the war of 1812, the revolutionary movement, XIX century, E.V. Tarle, writers, archives, art, historical memory.

Ю. Степанов: Николай Алексеевич, в Ваших воспоминаниях подробно рассказывается о годах детства и юности, о поступлении в Саратовской университет. Что самого главного, ценного сохранилось в вашей памяти от тех лет?

Н. Троицкий: Ну, прежде всего, это, конечно, отец. Мне не было и десяти, когда он ушел на фронт и там погиб. Но оставил такой след... Сам он был малограмотным (четыре класса школы), но мечтал, чтобы я стал «грамотеем»: он мне книги покупал, сказки рассказывал, читал, когда я еще совсем маленьким был, устраивал мне своего рода диктанты, то есть трудные слова подбирал, проверяя, смогу ли я их написать, и понимаю ли смысл слов. Помню, назвал он мне фамилию Орджоникидзе, я знал, кто это еще до школы, но «сел» на «главнокомандующем», не смог пра-

вильно написать. Потом уже из армии отец успел прислать нам три письма, и все время справлялся, как я в третий класс перешел. Я в третий класс перешел, когда он погиб.

Ю. С.: Вы знаете точное место его захоронения?

Н. Т.: Нам написали, что похоронен он в братской могиле в районе станции Ищерская, это в Чечне. И мы с мамой потом узнали где эта станция, запрос туда посылали, но нам ответили, что могила была где-то, откуда наши войска уходили, там весь пейзаж изменился. Я думаю, нам дали понять, что братская могила в 1942 г. – понятие неопределенное, потому что после туда немцы пришли.

Это все – из раннего детства. В юности, если школу взять, то здесь главное – книги и книги... Отец во мне это сохранил. За время школы, наверное, не позже, чем в четвертом классе, я уже прочитал «Нашествие Наполеона на Россию» Е.В. Тарле, а потом и его «Наполеона». Одновременно я читал «Отверженные» В. Гюго с описанием битвы при Ватерлоо. Так я проникся историей, во-первых, и наполеоновской темой, во-вторых. Тогда во мне этот интерес зародился. Когда в СГУ подошло время специализироваться, я выбрал кафедру Новой истории, чтобы заниматься Наполеоном, но мне сказали, что о мире надо писать, а не о войне, и что у нас вообще никто Наполеоном не занимается. И если говорить об университете, то важнее всех учебных дел была для меня первая любовь, первая и единственная на всю жизнь.

Ю. С.: С чего начался ваш интерес к истории?

Н. Т.: Я бы так сказал: с чтения Тарле и Гюго. Потом читал, конечно, много, но это запомнилось больше всего. Причем, «Отверженных» я взял в своей сельской библиотеке, где не хватало последних страниц. И я не знал, чем же все в романе кончилось. Когда я в Саратов приехал, то чуть ли не первым делом побежал в библиотеку, чтобы взять «Отверженных» и дочитать роман до конца.

Ю. С.: В научную библиотеку, в университетскую?

Н. Т.: Да, разумеется.

Ю. С.: Николай Алексеевич, хотел бы спросить о Научной библиотеке СГУ, которая сейчас полупустая. А в ваши годы как обстояло дело?

Н. Т.: Не скажу, что она была «переполнена», но в читальном зале часто еще надо было поискать свободное место, чтобы было куда присесть.

Ю. С.: Кого вы считаете своими наставниками в жизни и науке?

Н. Т.: В жизни, это, конечно, отец. Он, хотя и рано ушел из жизни, но оставил след бóльший, чем мама, которая 80 с лишним лет прожила. В науке, – наверное, только Тарле, он меня направил не просто в науку, а даже и в проблематику историческую. Вообще я в словаре назвал своим учителем П.И. Кабанова, но это чисто формальный признак, поскольку он был руководителем моей кандидатской диссертации. Руководство же его выражалось в том, что я напишу главу, принесу ему, он возвращает со словами: «пиши дальше». Напишу следующую главу, на полях спрашиваю: «Вы согласны?». Он: «Да, да».

Я не могу назвать Тарле своим учителем, ибо учитель, по моему, тот, с кем ты лично общаешься, Поэтому Тарле для меня – идейный наставник и пример для подражания, мой кумир.

Ю. С.: *Я знаю, что вы хотели писать о нем книгу. Это не получилось потому, что вас опередили?*

Н. Т.: Вышли книги малозначащие в сравнении с тем, чего он достоин. Я задумывал большую монографию о жизни, творчестве, личности, все хотел перекопать его личный архив, в котором я работал для статьи. Но не сложилось: отвлекся на двенадцатый год, потом на двухтомник о Наполеоне. Сейчас, посчитав, что у меня вышло 37 книг, я загорелся идеей сделать 40. И вот начал «Сказания о правде и кривде в исторической науке» на 15 печатных листов, быстро их закончу. В планах у меня даже историческая беллетристика – цикл из почти рассказов «Варвар» (надо написать еще один рассказ), а потом сесть за «Софью Перовскую». Это будет сороковая книга, научная биография. У меня о Перовской сохранилась переписка с ее внучатой племянницей (сколько там сведений!), мои архивные, но не использованные публикации, много чего, что я хотел бы использовать.

Ю. С.: *Почему сферой научных интересов вы выбрали именно XIX век?*

Н. Т.: Так и началось с Гюго и продолжилось в разные стороны, но в рамках XIX века. Не потянуло меня куда-то еще на что-то равное. Но в рамках XIX века я писал о войне 1812 года, народниках, политических процессах, об историографии, истории культуры.

Ю. С.: *Кто из ваших коллег-историков произвел на вас наиболее яркое впечатление?*

Н. Т.: Из тех, с кем я общался и работал, – прежде всего, Леонард Адамович Дербов.

Ю. С.: *Ваше становление как профессионального историка совпало по времени с быстрым развитием исторического факультета СГУ.*

Благодаря чему саратовские историки в короткое время стали всесоюзно известными?

Н. Т.: Так получилось, что очень удачно подобрались кадры, причем не одного поколения.

Ю. С.: *Вы неоднократно были участником крупных и шумных дискуссий. В частности, по вопросам периодизации революционного движения в России, проблемам войны 1812 года. В чем состояли главные пункты ваших расхождений с оппонентами?*

Н. Т.: Дело в том, что я не считался с политической конъюнктурой, а все время опираясь на источники, на документальные данные, шел в ту сторону, куда они направляли. Мои оппоненты, не все конечно, но большинство, оказывались в плену именно политической конъюнктуры.

Ю. С.: *А в полемике о событиях войны 1812 года, как вы считаете, ваши оппоненты ошибались или, быть может, намеренно искажали историческую реальность.*

Н. Т.: Намеренно, конечно, из «ура-патриотических соображений». Что касается соотношения сил противников, их потерь, делали все, чтобы вся цифирь была в нашу пользу. Как в царской России были официозы, вроде А.И. Михайловского-Данилевского, так и в советские времена подвизались такие: П.А. Жилин, Н.Ф. Гарнич и К°. Ведь до смешного дело доходило, если французы где-то чуть отступили – все: бегут! А если русские бегут – значит отошли! Все это было подделка под требования политической конъюнктуры, а подавалось как патриотизм. Вот, например, доказывалось, что первый партизанский отряд создан М.И. Кутузовым под руководством Дениса Давыдова, но ведь на месяц раньше М.Б. Барклай де Толли создал партизанский отряд под руководством Ф.Ф. Винценгероде. «Патриоты» не могли допустить этого: Кутузов и Давыдов гораздо патриотичнее звучит, чем Барклай де Толли и Винценгероде. До сих пор твердят это, хотя и документально доказано обратное, и опубликованы воспоминания участников отряда Винценгероде. И каких участников! С.Г. Волконского и А.Х. Бенкендорфа! Братья по оружию! А потом Бенкендорф судил Волконского за участие в движении декабристов.

Ю. С.: *Каково значение тех дискуссий для развития исторической мысли в России?*

Н. Т.: Все-таки проталкивалась правда сквозь кривду, всегда находились люди, которые вступали в дискуссию и уличали оппонентов, доказывали их низкий профессиональный уровень, при-

способленчество, дилетантизм. Как, например, А.Г. Тартаковский или В.М. Холодковский. Как Холодковскому разрешили опубликовать статью «Наполеон ли поджег Москву?» в «Вопросах истории», просто удивляюсь! Напечатали в 1966 году эту статью, но продолжали гнуть свою линию, делая вид, что этой статьи вообще не было!

Ю. С.: *Вы уличили в плагиате некоего Н.М. Лебедева, автора книги о П.И. Пестеле. Напомните об этой истории.*

Н. Т.: О Лебедеве у меня одно из «сказаний» в книге, о которой я говорил. Он списал в монографии о Пестеле, которую защитил как докторскую диссертацию, целыми параграфами большую часть своего текста, дословно, с работы М.В. Нечкиной, причем ссылки на архивы тоже позаимствовал из Нечкиной, даже не упоминая ее. Хвалебную рецензию об этом плагиате опубликовал А.Ф. Смирнов, тот самый, которого я уличал в плагиате как автора статьи в журнале ЦК КПСС «Коммунист». Теперь выяснилось, что он был оппонентом на защите диссертации Лебедева в Военно-политической академии. Я по этому поводу написал Разоблачительное письмо, отправив его в ЦК КПСС и разные СМИ. Дело это замяли, но Лебедев все же пострадал. Он мне прислал письмо преисполненное обиды: де, из-за вас я потерял работу, а между тем я был штурманом у знаменитого полярного летчика М.В. Водопьянова. Смирнов тоже пострадал. Мне сообщили, что он был наказан по партийной линии. Как именно, мои друзья выяснить не смогли, наверное, это секрет. Во всяком случае, его из Института истории РАН (тогда Академии наук СССР) с понижением перевели в Институт балканистики. Но главное, был шум, и многие коллеги Смирнова поняли, чего стоит его статья в «Коммунисте». В.А. Твардовская, Б.С. Итенберг, П.А. Зайончковский присылали мне тогда письма с поддержкой. Зайончковский даже написал мне так: «прочитал статью известного подонка Смирнова, где он облаял и Вас».

Ю. С.: *Не секрет, что сегодня порой защищаются откровенно слабые диссертации, выходят не менее слабые статьи и монографии. Как вы считаете, с чем это связано и каковы последствия этой «эпидемии»?*

Н. Т.: Уровень студенчества стал ниже. Меньше стало интереса к науке, к добросовестному труду, преобладает погоня за деньгами, поэтом и интереса нет к специальности исторической, стремятся быть поближе или к чиновникам или к денежной должности. Думаю, что в этом причина упадка. Если ничего не изменится, то уровень будет все ниже и ниже.

Ю. С.: *Вы были знакомы и переписывались с известными советскими писателями, писавшими на исторические темы. Какова, по вашему мнению, роль исторической прозы в воспитании интереса к истории?*

Н. Т.: К сожалению, роль художественной литературы даже бóльшая, чем роль литературы научной, потому что раньше начинают читать ее, писатели более известны среди молодежи. Но писатели историческую правду зачастую не слишком ценят, а порой просто извращают, опять-таки конъюнктурно приспособиваясь, вслед за некоторыми историками. Да, писатели читают какие-то исторические труды, но выбирают то, что более соответствует конъюнктуре.

Ю. С.: *Где та грань исторической правды, которую писатель, свободный в своем праве интерпретации событий, не должен переходить?*

Н. Т.: Об этом я как раз пишу в своей новой книге. Там где фактов нет, нет документальных свидетельств, писатель вправе додумывать, домысливать, но в том направлении, что уже продиктовано фактами известными, а у нас часто писатели пишут вопреки фактам, выдумывают, навязывают читателю то, что конъюнктурно и патриотично с их точки зрения. Особенно, – Олег Михайлов, и о народниках, и о войне 1812 года. То, что он сочиняет – просто кошмар. Ну, я прошелся по его опусам в своих «Сказаниях...».

Ю. С.: *В последние годы Отечественная история подвергалась кардинальному «пересмотру». В отрицательную сторону изменилось отношение к декабристам, народникам. С другой стороны, реабилитируются, даже прославляются Аракчеев, Столыпин. Как вы считаете, с чем это связано и как вы к этому относитесь?*

Н. Т.: Да, все советское сейчас оплевывается, как и революционное, ведь, все революционеры – «прародители большевиков» и советской власти. Следуя этой логике – оплевывая их, надо поднимать тех, кто им противостоял: царей, их сатрапов.

Ю. С.: *Имеет ли, на ваш взгляд, перспективы изучение истории освободительного движения в России?*

Н. Т.: Надо «толкаться». Тему эту никто не закрывает, пусть это тема сейчас и не «престижная», но если есть интерес и желание сражаться, придется ведь не только трудиться, но и сражаться, я думаю что это надо делать.

Ю. С.: *Сейчас многие говорят о необходимости воспитания патриотизма. В связи с этим некоторые «специалисты» полагают ваши оценки некоторых сторон личности Кутузова «антипатриотичны»*

ми». Чтобы вы могли ответить по этому поводу? Что в вашем понимании – истинный патриотизм?

Н. Т.: Я уже говорил о ложном понимании патриотизма, а что касается патриотизма истинного, то тут я процитирую П.Я. Чаадаева: «Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное – это любовь к истине». А В.Г. Белинский писал, что истинный патриотизм «обнаруживается не в одном восторге от хорошего, но и в болезненной враждебности к дурному, неизбежно бывающему <...> во всяком отечестве». Поэтому не в том смысл патриотизма, чтобы возлюбить царизм или Кутузова, а в том, чтобы следовать правде.

Ю. С.: Как вы думаете, с чем связан сегодняшний упадок интереса к истории, к историческому образованию?

Н. Т.: Я уже говорил, что ныне навязывается стремление к обогащению, истинной науке трудно существовать, когда господствует мысль, что богатство – прежде всего. Сейчас ведь и многим молодым, только что защитившимся историкам трудно найти работу, везде повальные сокращения. Тем самым отваживают от занятий историей. Кому-то приходится заниматься историей как своего рода хобби, занимаясь иными делами.

Ю. С.: Что есть в вашем понимании историческая память?

Н. Т.: Историческая память для историка – знание, учет и использование прошлого. Надо знать, учитывать как и что было, почему так и произошло. Надо знать и использовать или избегать, того, что было в прошлом. Чтобы извлекать уроки из прошлого, для того и нужна историческая память. Надо стремиться к тому, чтобы не забывать ничего: использовать хорошее и избегать плохого.

Ю. С.: Какой главный совет вы могли бы дать вашим молодым коллегам, исходя из своего житейского и профессионального опыта?

Н. Т.: Следовать своему призванию, тяготению, интересам, стремиться к тому, чтобы делать то, что тебе по душе, а не к тому, чтобы купить диплом кандидата или доктора.

Интервью у Н.А. Троицкого брал
доцент кафедры истории, культурологии и политологии
Саратовского аграрного госуниверситета им. Н.И. Вавилова
Ю.Г. Степанов.